

ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ КАК РЕФЛЕКСИЯ НАД ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА¹

Аннотация. В работе рассматриваются требования к формированию новой социальной дисциплины – «философии управления», которую автор понимает и как широкую рефлексию над социальными процессами и как практику нового типа. В связи с этим обсуждаются: вызовы времени, на которые должна отреагировать философия управления, общие задачи философии и конкретно особенности предмета философии управления (её задачи – критика сложившихся неудовлетворительных способов изучения управления, конституирование сущности управления, анализ более широкой реальности, обуславливающей разные типы управления, а также их эволюцию). Основные вызовы времени, на которые должна ориентироваться философия управления, идут от современного общества и социума. Но услышать эти вызовы не так-то просто. Тем не менее, автор обсуждает эти вызовы на примере двух проблем – определения социальной и общественной миссии управления, а также ориентации управления на ведущий тип социальности. В частности, он показывает, что современные проблемы и противоречия разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил. При этом существенную роль играют эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты своего рода «разумного эгоизма», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки личности, наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее). В результате и устанавливается ведущий тип социальности. Поскольку управление пронизывает все слои и пространство социума, имея дело как с рациональной организацией деятельности, так и со взаимоотношениями между людьми, то практически каждый конкретный человек причастен к управлению (хотя бы в своей семье или на работе), и следовательно, вынужден вырабатывать отношение к этому феномену. Вот здесь ему на помощь и должна прийти философия управления.

Ключевые слова: философия, управление, общество, современность, социальность, эгоизм, справедливость, реальность, практика, диспозитив.

Хотя выражение «философия управления» встречается в литературе, нельзя считать, что эта дисциплина состоялась. Л.А. Бессонова считает, что поиск единых философских оснований менеджмента не приводит к положительным результатам, в частности, потому, что «философия прагматизма и эмпиризма, положенная в фундамент американских теорий и концепций менеджмента, сужает возможности создания методологического основания для разработки общей теории. Европейская же наука, обладающая более сильной философской позицией, не имеет такого богатого эмпирического

опыта в области менеджмента, как США»². Близкая позиция и у А.В. Тихонова, автора интересной книги «Социология управления». «Сложился, – пишет он, – огромный рынок рекомендаций практикам, как им лучше всего и эффективнее вести свое дело. Одна «панацея» конкурирует с другой, а между тем в науке нет согласия относительно природы и функций управления, его отличительных признаков и качеств<...> Мы видим причину этого кризиса в недостаточно глубоком теоретико-методологическом рассмотрении не просто проблем повышения эффективности управленческого воздействия, как это традиционно делается в менеджменте, а самого

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в проекте проведения научных исследований («Философия и концепции управления»), проект №12-03-00052.

² Бессонова Л.А. Философские аспекты теории и практики менеджмента (http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2005/issue3/Philos_Manag1.html).

управления как проблемного объекта в связи с его неоднозначной и более фундаментальной ролью в трансформациях современного общества»³.

Справедливы ли упреки в адрес теории менеджмента? Нужно еще разобраться, действительно ли практикам управления не хватает собственных теоретических концептуализаций, так ли им необходимы еще и философские представления об управлении. Если мы проанализируем теоретические представления теории менеджмента, то сможем заметить, что, во-первых, эти представления адресованы практикам управления (а те не понаслышке знают, что такое управление), во-вторых, они не претендуют на философское осмысление (здесь нет общих понятий управления, которые задают реальность и затем конкретизируются, заставляя практиков следовать за идеальными представлениями управления), в-третьих, теоретические представления менеджмента явно расширяют видение практиков за счет анализа новых кейсов, схематизаций и осмыслений управленческого опыта. Другое дело, что, как верно замечает проф. Дейл Е.Занд, большинство теорий менеджмента «применимо для решения узкого круга практических проблем, объясняя какую-то часть реальности. Как только вы выходите за эти узкие рамки теория или не работает, или может дать искаженные результаты»⁴. Но, думаю, теории менеджмента не претендуют на большие обобщения. Другими словами, это рефлексия управления, но не философская, а скорее методического (методологического) характера.

Тихонов правильно отмечает, что современное управление оказывает колоссальное воздействие на трансформацию общества. Это обстоятельство на самом деле заставляет осмыслять феномен управления, естественно, не только менеджеров, но, прежде всего, самих философов. Правда, некоторые теоретики менеджмента, например, Р. Салмон, сами вышли к проблемам, которые широко обсуждаются в философии (становление глобального общества, критика техногенной цивилизации, смысл жизни, будущее и др.). Думаю, что этот момент тоже должно заставить философов обратить внимание на феномен управления. В этом отношении управление

вполне можно сравнить с техникой (в определенном аспекте управление и есть техника).

«Философы нашего времени, – пишет Х.Сколимовски, – включая имеющих отношение к философии техники, еще не осознали, что преобразующая сила феномена техники порождает беспрецедентные онтологические проблемы. Мы вновь вынуждены отвечать на извечный вопрос: что такое реальность?<...> Те, кто жалуется, что философия закончилась, поскольку нет более новых задач для рефлексии, просто игнорируют новые реалии – человеческие и онтологические – созданные благодаря современной науке и технике. Я использую термин «созданные» преднамеренно, поскольку<...> идея о том, что мы просто открываем реальность есть устаревшая концепция, которую мы должны отправить в архив истории»⁵.

Практически все, что Сколимовски говорит о технике, можно повторить и относительно управления. Управление не может не заинтересовать философию и в силу всепроницаемости и поэтому своеобразной неуловимости этого феномена. Например, А.Тихонов утверждает следующее: «Отношения управления пронизывают все уровни общества (социетальный, институциональный, региональный, менеджерально-корпоративный и уровень местного самоуправления) и в этом смысле образуют суперинститут, в деятельность которого вовлечены все активно действующие социальные группы и слои»⁶. «Организация человеческого общества, – вторит ему М.Г. Делягин, – определяется структурой его управления – или, на уровне, с одной стороны, местных сообществ, а с другой, всего человечества в целом, – его самоуправления»⁷.

Действительно, везде, если мы имеем дело с социальной или культурной реальностью, встречается управление. Конечно, шамана у аборигенов, верховного жреца или Петра первого язык не поворачивается назвать менеджером, но разве члены племени, древнего царства или подданные российского госу-

³ Тихонов А.В. Социология управления. М., 2007. С. 32, 33.

⁴ Цит. по Тихонов А.В. Социология управления. М., 2007. С. 122.

⁵ Сколимовски Х. «Новая социальная философия как оценка техники» (Цит. по Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М., 2002. С. 80-81).

⁶ А. Тихонов. Цит. соч. С. 70

⁷ Делягин М.Г. Финансовый кризис как первый этап кризиса глобализации: фундаментальные изменения человечества? // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе. Сб. научных ст. М., 2009.

даря не подчиняются беспрекословно их приказам. Современное управление имеет дело и с производственной стороной предприятия (компании, корпорации), и с людьми, и собственно организацией предприятия (внутренней средой), и с внешней средой (потребителями, поставщиками, рынком, различными институтами), и с определенным воздействием на внутреннюю и внешнюю среду (управление как механизм развитие). Непонятно, что же специфического тогда представляет собой феномен управления? Ведь нельзя же удовлетвориться простыми утверждениями типа того, что управление имеет дело с управляемыми и управляющими подсистемами.

Не менее важный вопрос – осмысление и оценка процессов заимствования на российской почве западных управленческих технологий, по другому – это проблема специфики российского управления. В провокативной книге «Русская модель управления» А.П.Прохоров утверждает, что, по сути, наше управление не просто не эффективно, а в каком-то смысле невозможно, поскольку российские традиции принципиально не допускают конкуренцию⁸. Сегодня, похоже, даже кризис не может заставить российскую систему управления перейти в аварийный режим; вместо того чтобы серьезно готовиться к модернизации производства и инициировать развитие реальной экономики, наши власти ждут, когда кризис закончится. А если он будет еще долго продолжаться, и цены на нефть существенно не поднимутся, что тогда?

Экономист и обозреватель «Эхо Москвы» Юлия Латынина тоже критикует российское управление как совершенно неэффективное. Более того, она постоянно показывает на конкретных примерах, что, так сказать, управляющие и топ менеджеры нашего государства больше озабочены увеличением собственного благосостояния и власти, чем делами в сфере народного хозяйства. Согласно она с Прохоровым и с тем, что конкуренция у нас какая-то странная. По мнению Латыниной, эта конкуренция идет не столько в сфере экономики, сколько в области клановых и мафиозных отношений властных элит и группировок.

Но возникает вопрос, действительно ли у нас нет конкуренции в западном понимании, я думаю, что ответ на этот вопрос вовсе не однозначен.

Наконец, поразивший весь мир и нашу страну экономический кризис тоже заставляет осмыслять управление в философском ключе. Многие экономисты утверждают, что современный кризис – это очередной кризис перепроизводства. Но так ли это? Ведь уже почти два десятилетия аналитики отмечали, что новые технологии, в том числе и технологии управления, способствуют наращиванию негативных последствий. Говорят о неожиданности современного кризиса, употребляют даже такую метафору «мыльные пузыри», возникшие непонятно как, сами собой. Но разве, сами собой, естественно? Разве кризису не предшествовали вполне ясные и, казалось бы, научно обоснованные шаги: либерализация экономики, определенная налоговая политика, новые формы кредитования, кредитование рисков, перемещение проблем в другие области вместо их разрешения (большая часть этих шагов связана с определенным пониманием управления) и другие социально-экономические действия, которые породили монблан виртуальных денег, нарушили экономический баланс, подорвали доверие потребителя к финансовым и другим экономическим институтам. Спрашивается, что же не учли социальные теоретики? Много чего. Например, не были продуманы негативные последствия введения новых управленческих технологий и финансовых инструментов, не учли изобретательность граждан, постоянно придумывающих схемы, позволяющие жить не по средствам⁹, не учитывалась роль критики существующей экономической системы, а также изменение сознания потребителей, вплоть до обвальных процессов почти мгновенного распространения недоверия.

Рассмотренные здесь причины, заставляющие осмыслять управление в философии, могут быть истолкованы как своеобразные «вызовы времени», на которые философы вместе с учеными социальных и общественных наук должны ответить. И начать можно с обсуждения предмета философии управления.

В чем назначение философии? С нашей точки зрения, в следующем. Философ занимается критикой и распределением реальности, которая, с его точки зрения, уже исчерпала себя и поэтому должна уйти со сцены истории. Дальше, философия конституирует новую реальность, но посредством *нормирования новых способов получения знания о мире*,

⁸ Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002. С. 22, 70, 77.

⁹ Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. Москва-Санкт-Петербург- Киев, 2002. С. 47-48, 101.

другими словами, устанавливая по-новому в мышлении. Не менее существенно, что делая все это, философия отвечает на настоятельные вызовы времени, но отвечает, как сказать, личностным способом. Имеется в виду, что конституируя новую реальность, отвечая на вызовы времени, философ реализует себя, вступает в диалог со своими учителями и другими мыслителями, проводит собственное видение реальности и понимание проблем. Конституируя новую реальность, философ обсуждает и задает *сущность* интересующего его явления. Если отнести все эти требования к управлению, то вот как может выглядеть предмет философии управления.

Философ управления должен осуществлять *критику сложившихся неудовлетворительных способов изучения управления*. В этом отношении очень показательна книга А.Тихонова, он анализирует и подвергает критике все основные способы исследования управления (теорию менеджмента, системный подход, процессный, ситуационный, синергетический подходы)¹⁰.

Конституирование сущности управления – второй большой блок работы в рамках философии управления. В свою очередь, здесь напрашиваются несколько направлений исследования. Во-первых, сравнительный анализ концепций управления, прежде всего, с точки зрения подходов и основных способов мышления. Во-вторых, генетическое исследование основных типов управления, имевших место в истории культуры. В-третьих, выстраивание собственных концепций управления, схватывающих не только сущность управления, но и разные его типы.

Третье направление работы – *анализ более широкой реальности, обуславливающей разные типы управления, а также их эволюцию*. Он предполагает философско-методологическое рассмотрение таких тем как язык, общество, личность, власть, социальные институты и ряда других, например, изучение мегатенденций современности, представлений о будущем, стратегий социального действия, форм социальной жизни, социальной эволюции, особенностей русской модели управления и ее эволюции. Например, в указанной работе Тихонов обсуждает сущность управления, причем в широком контексте, обусловленным новым подходом, который Тихонов называет «социогуманитарным познанием»¹¹.

Понятно, что изучение, явлений, определяющих управление, нужно вести с точки зрения проблем и особенностей самого управления. Например, при изучении личности имеет смысл рассмотреть, какую роль в ее становлении сыграли идеи управления (личность как менеджер самого себя), основные типы личности, в частности, различие уникальной и массовой личности, анализ личности лидера, менеджера и исполнителя, проблему управляемости личности, кризис личности в модернити, личностно ориентированные практики, мифы и языки личности и др.

Цель философского осмысления управления – построение его «диспозитива». Мишель Фуко, обсуждая методологию исследования сложных явлений типа сексуальность, власть, общество и т.п., вводит понятие «диспозитив». Используя понятия диспозитива, дискурса, властных отношений и ряд других (одновременно конституируя их) Фуко предпринимает анализ целого ряда феноменов (безумия, сексуальности и т.п.), выступающих одновременно как культурно-исторические и индивидуально-психические образования. Например, он показывает, что современное понимание сексуальности возникает под влиянием таких формирующихся в XVII-XVIII вв. практик как христианская исповедь, медицинский и педагогический контроль, практика наказания преступников, в которых усиливаются репрессивные и контрольные элементы. С точки зрения Фуко все это позволило распространить властные отношения на новые области человеческого поведения. В результате проведенного анализа Фуко удалось показать, что явление сексуальности не является натуральным и лишь отчасти это явление имеет биологическую природу, напротив, сексуальность – явление культурно-историческое и даже социотехническое, поскольку его определяют социальные практики и отношения.

Под диспозитивом некоторого явления имеет смысл понимать схему (описание) этого явления как идеального объекта, содержащую отдельные стороны (планы, составляющие) этого объекта, причем такая схема в той или иной степени учитывает анализ дискуссов, развернутых по поводу данного явления, позволяет объяснить проблемы, относящиеся к этому явлению, создает возможность воздействия на него. Диспозитив задает хотя и целостное, но гетерогенное представление объекта. В модальном отношении этот объект может быть опознан как «объект

¹⁰ Тихонов. Цит. соч. С. 122-132.

¹¹ Там же. С. 120-160

возможный», поскольку мыслящий, анализируя курсы, проблематизирует ситуацию как неудовлетворительную и имеет намерение воздействовать на интересующее его явление. Строение возможного объекта проясняется, уточняется и конкретизируется (а также пересматривается, если это необходимо) в ходе дальнейших исследований и создания дисциплины, описывающей и объясняющей этот объект. При построении этой дисциплины диспозитив используется в качестве методологической план-карты, а также конфигуратора возможного объекта (поэтому такую дисциплину можно назвать «диспозитивной»). В данном случае возможным объектом является управление, рассмотренное в контексте культуры и как вид мышления.

Основные вызовы времени, на которые должна ориентироваться философия управления, идут от современного общества и социума. Но услышать эти вызовы не так-то просто. Тем не менее, попробуем это сделать на примере двух проблем – *определения социальной и общественной миссии управления*, а также *ориентации управления на ведущий тип социальности*.

Когда производство представляло собой и выстраивалось как машина в рамках капиталистической системы, понятна была основная цель – получение максимальной прибыли¹². Куда сложнее определить назначение производства в том случае, если это особый социальный организм или даже симбиоз двух организмов («производство и управление на людях» и «люди на производстве и управлении»). П. Друкер в своей книге обсуждает, «в чьих интересах должна осуществляться деятельность компаний». Он последовательно рассматривает следующие точки зрения: в интересах самого бизнеса (США), в интересах создания и поддержания социальной гармонии (ФРГ, Япония, страны Скандинавии), в интересах индивидуальных вкладчиков¹³. С самоопределением в этой области Друкер связывает вопрос об эффективности современного производства, который, с его точки зрения, далек от разрешения¹⁴.

¹² «Представляемая как машина, – отмечает Акофф, – корпорация не имеет собственной цели, а служит инструментом для своих владельцев, средством достижения их цели извлечения прибыли» (Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М., 1985. С. 79).

¹³ Друкер П. Цит. соч. С. 88-90.

¹⁴ Там же, с. 90. «Непрерывное совершенствование требует

Зато для Роберта Салмона решение этого вопроса ясно. В отличие от Друкера, который все же ориентирован на сложившуюся цивилизацию, Салмон подвергает ее критике и считает, что надо работать на будущее. Как теоретик он дает прекрасный анализ мегатенденций современной цивилизации, утверждая, что процессы глобализации и другие социальные изменения постепенно трансформируют установки потребителей. Они все меньше хотят участвовать в гонке потребления, переключаясь на нематериальные ценности, такие как гарантии работы, социальное благополучие, гармония жизни, осмысленное существование.

«Для многих обитателей крупных городов, чье экономическое положение оставляет желать лучшего, такие жизненно важные потребности, как трудоустройство, жилье и образование детей, явно преобладают над желанием сделать более или менее серьезные приобретения<...> По сути, переизбыток товаров и услуг, характерный для последних лет, обещает умерить желание потребителей потреблять<...> достаточно людей стали сомневаться в разумности потребительской лихорадки, охватившей наше общество<...> В этом контексте кажется сомнительным, что стратегию бизнеса будут, как и раньше, определять технические характеристики продукта, энергичная сбытовая политика и финансовые результаты<...> Люди покупают не столько материальные блага, сколько символы гармонии, равновесия, безопасности, благополучия, социальной интегрированности<...> после этапа, когда люди преклонялись перед «обладанием», наступил период, когда хотят не просто «обладать», а «быть», переживать определенное состояние... Нематериальная составляющая продукта имеет преимущества даже в том отношении, что с лихвой компенсирует дефекты качества, от которых страдают товары, произведенные с использованием явно дешевых технологий. Так, некоторые фармацевтические фирмы добились впечатляющих успехов по продвижению своего препарата, поскольку они опирались в рекламной компании на такие моменты, как отказ от испытания препарата на животных, использование натуральных ингредиентов, возможность повторного использования упаковки. Подобная продукция весьма по-

принципиального решения по одному важному вопросу: что означает «эффективность» в данной области производства?» (с. 113)

пулярна по той причине, что она отвечает глубоким этическим мотивам покупателя, уверенного, что, приобретая эти товары, он совершает благое дело и вносит свой посильный вклад в решение гуманитарных и экологических проблем»¹⁵.

Салмон доказывают, что в конкурентной борьбе в перспективе выигрывают те компании и корпорации, которые, преодолевая стереотипы и ценности техногенной цивилизации, создают альтернативное будущее (например, учитывают не только экономику, но и требования экология, этические идеалы, трансформацию сознания, исходят из новых реалий и типов социальности). Поэтому уже не удивляет формулировка им миссии современной компании. «В действительности, – пишет Салмон, – компания остается единственной ячейкой общества, которая обладает реальной возможностью производить структурные изменения, что дает ей шанс соответствовать происходящим социальным и технологическим изменениям. В этом отношении компании доверяется та функция, которая отводилась семье, деревенской общине, церковному приходу и даже государству<...> Насколько странной не показалась бы эта идея сегодня, в ближайшем будущем будет совершенно понятно, что конкурентноспособность компании все больше будет зависеть от нематериальных факторов, и особенно от способности формировать такую систему отсчета, которая помогала бы людям эффективно существовать в условиях, характеризующихся низкой толерантностью»¹⁶.

«Перед менеджером-гуманистом будущего стоит сложная задача найти надлежащий баланс между тремя моментами, которые считаются в конце XX столетия наиболее существенными: *капиталистическими ценностями* свободного предпринимательства (рынок, конкуренция, коммерческая тайна, финансовый успех); *технократическими ценностями* (технические достижения и математическая логика «научно» запрограммированных организаций); наконец, *ценностями демократии, морали и этики*»¹⁷.

Насколько реалистичен данный прогноз сейчас еще трудно сказать, но сама постановка проблема актуальна и правильна. Теперь относительно будущего типа социальности. Экономист, журналист

и обозреватель «Новой газеты» и радиостанции «Эхо Москвы» Ю. Латынина в ряде своих публикациях обсуждает следующую ситуацию: в мире и в том числе в России миллионы людей не работают и живут за счет государства или благотворительных организаций (в нашей стране по разным подсчетам таких людей от 8 до 10 миллионов). С точки зрения Латыниной, это следствие действия либеральной доктрины и кризиса современного государства. В России, показывает она, к этому добавляется страх властной элиты перед народом, распространение насилия как способа решения социальных проблем, крайняя неэффективность государства. И конечно, такое положение дел, с точки зрения, Латыниной, – явная социальная несправедливость.

Как тут не вспомнить К. Маркса, считавшего, несправедливым капиталистическое общество, поскольку капиталисты, владеющие частной собственностью и средствами производства, крадут у рабочих значительную часть создаваемой ими прибавочной стоимости. При этом, очевидно, к своему удивлению, он показывает в «Капитале», что капиталисты, действующие предельно эгоистично, на самом деле остаются, как сегодня говорят, в правовом поле.

«Мы видим, – пишет Маркс, – что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара (труда рабочего. – В.Р.) обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, **право противопоставляется праву**, причем они в **равной мере санкционируются законом товарооборота**. При столкновении двух равных прав решает сила»¹⁸ (выделение наше).

¹⁸ Маркс К. Капитал. Т.1. М., 1978. С. 246. Интересно, обнаружив в исследовании, что исходные постулаты (о краже, несправедливости, частной собственности) не верны, Маркс не стал их пересматривать. Спрашивается почему? Не потому ли, что не считал нужным прислушиваться к мнению общества, встав только на сторону пролетариата. А также, не потому ли, что ощущал себя социальным инженером, ко-

¹⁵ Салмон Р. Будущее менеджмента. СПб, 2004. С. 95, 96, 98, 100, 102, 224.

¹⁶ Там же. С. 140.

¹⁷ Там же. С. 141.

Но ведь тогда получается, что социальная несправедливость – это особая абстрактная оценка, полученная с позиции определенных идеалов общества и человека (гуманистических, либеральных и пр.), а сами участники социального процесса могут к этому и не присоединяться. Другое дело, если присоединяются, но, как показала история, подобные убеждения, например, вера в порочную античеловеческую природу капитализма, могут вести к очень печальным социальным последствиям. Посмотрим на ситуацию, которую разбирал Маркс, с точки зрения современного экономического кризиса. Тогда она выглядит следующим образом. Капиталисты изобрели социальную технологию, позволяющую получать сверхприбыль. Рабочие противопоставили этой технологии забастовки, критику капитализма, политические действия, кстати, тоже представляющие собой социальное изобретение и технологию. В результате не сразу, но, тем не менее, обе стороны социального конфликта пошли на компромисс (который опять же предполагал новые социальные технологии), и было достигнуто относительно мирное сосуществование.

Нельзя ли и на современную ситуацию посмотреть сходным образом? Новый эгоизм, конечно, налицо. Для современного эгоизма характерно то, что его представители уверены, что они самые обычные люди, не эгоисты, а часто даже альтруисты, работающие на общее благо. Сотрудники международных корпораций, эксплуатирующих местное население, не сомневаются, что их корпорации, конечно, же для этого населения благо, поскольку дают работу и несут цивилизацию. Российские власти, попирающие

торый должен и может переделать жизнь людей. Еще одно соображение. Последняя фраза в приведенной цитате знаменательна! С одной стороны, она есть констатация реального развития событий в период первоначального накопления и дальше (борьбы за пределы рабочего дня и приемлемые условия труда), с другой – известного убеждения Маркса, что борьба классов – движущая пружина социальной истории. Однако дальнейшая история капитализма показала, что хотя сила, действительно, важный фактор, наряду с ней есть и другие – общество, право, новые производственные и технологические возможности, позволяющие поднять уровень значительной части трудящихся, эволюция новоевропейской личности, пошедшей на компромисс и большую законность. Кстати, если обратиться к нашей стране, то сегодня на каждом шагу мы видим, как право противостоит праву и в ход пускается сила. Видя это, реформатор невольно впадает в уныние. И напрасно, история показывает, что сила только один из факторов этого сложного процесса.

права своих граждан и берущие взятки, считают, что только так и можно управлять нашим темным населением и жадным бизнесом, что все это на пользу обществу. Как никогда прежде, относительно современности справедлива формула, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

В качестве примера возьмем среднего чиновника гуманитарной организации (одинаково – наша префектура или служба ООН). Такой чиновник, с одной стороны, должен поддерживать свой институциональный статус, изображая эффективную работу (поскольку именно его место приносит доход), с другой – он изобретает *схемы*, позволяющие так трансформировать свой статус и место, чтобы они давали доход (так называемая, «административная рента»). Примерами таких схем являются откаты, расширение контролируемых функций, откладывание под разными предлогами принятия решений и другие. С.Б.Мирзоев показывает, что дело чаще всего идет не об отдельных случаях получения незаконного вознаграждения за работу, положенную чиновнику по закону, а о настоящем «рентостроительстве», когда, чтобы получать из своего места постоянный, а лучше, всё увеличивающийся доход, чиновник лоббирует принятие нужных законов или инструкций, подбирает на нужные должности «своих», устанавливает правила и регламенты, работающие именно на извлечение ренты¹⁹.

Но можно ли в эгоизме обвинять современную личность или властную элиту? Поступает ли, например, чиновник несправедливо, когда он занимается рентостроительством? Он изобрел и реализует новую социальную технологию, позволяющую ему увеличить свою власть и благосостояние. С точки зрения абстрактных этических принципов и, заметим, отчасти, трудового соглашения, он, конечно, поступает нехорошо. Но с точки зрения возникших возможностей и опять же отчасти существующих законов, он остается в правовом поле. Право чиновника как человека, не нарушая законов, расширять свои возможности и благосостояние²⁰. Право гражд-

¹⁹ Из доклада С.Б. Мирзоева «Институциональная коррупция» февраль 2011. <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>

²⁰ Как обычный человек я, конечно, на стороне Латыниной и меня возмущает, если не больше, поведение нашей власти и бюрократов. Но как ученый и философ я должен следовать за дискурсом, спокойно смотря на то, что проявляется в результате анализа. Однако, как человек действия и определенных

дан, поставившего чиновника на службу обществу (правда, поставившего опосредованно, через выборы и государство), требовать от него, не рентостроительство, а добросовестное выполнение своих функций. Если на социальном поле всего два субъекта, то явно конфликт.

Но подумаем, что не учитывал и отчасти не признавал Маркс – культуру, общество и сообщества, личность. Культура как соотношение традиции и новаторства создает условия для тех или иных действий и изменений. Например, российская традиция веками «ставившая чиновника на кормление» не способствует борьбе с рентостроительством; та же традиция как новаторство и следование Европе иногда ведет к расправе с рентостроителями. Общество в целом заинтересовано в борьбе с рентостроительством, но отдельные сообщества часто нет. Например, наша властная элита и бюрократия (чиновники) не только не хотят бороться с рентостроительством, но напротив, широко его практикуют. Что касается личности, здесь, что ни индивид, то свое решение.

В общем же случае история показывает, что эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается именно усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее время эгоизм преодолевается не способом построения либеральных институтов, что было характерно для XVII-XVIII вв., и не путем построения демократических институтов (XIX-XX вв.), а *посредством переговоров, расчетов и компромиссов*.

Скажем, наши властные элиты, может быть, и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. В этой связи любопытное интервью дал философ Валерий Подорога. «Нынешний, объявленный “диалог с властью”, – говорит он, – начинает звучать несколько странными обертонами. А, собственно, зачем власти вступать в диалог с гражданским обществом, к тому же если она полагает, что его как бы нет, что его будто еще надо построить? Почему искать диалога с этими слабыми гражданскими союзами, которые не могут оказать ни на что какого-либо существенного вли-

яния? <...> Идея “равноправного” диалога говорит лишь о поразительной гипертрофии функций власти в современном российском обществе. Власть (в лице ее отдельных функционеров) нисходит до гражданского общества, словно демонстрируя его бессилие и неспособность быть равноправным участником диалога. И это надо признать (чтобы не создавать себе ложных иллюзий). А раз дело обстоит именно так, то неплохо понять, что хочет эта власть, которая вольно-невольно берет на себя и общественно-гражданские функции, стимулируя чуть живое “гражданское общество” (финансовыми и другими льготами; кстати, право их распределения тоже узурпировано властью). Если гражданин уязвим, то власть неуязвима. А как вы знаете, вопрос об уязвимости власти (со стороны общества и гражданских институтов) является условием легитимизации власти<...> сегодня власть, отказавшись от поиска партнеров и консолидировав применение силы в некоторых направлениях, вернула себе контроль фактически над всеми природными, финансовыми и прочими ресурсами страны, превратилась в нечто вроде благотворительного фонда. Избыток силы порождает чувство милости к падшим. Объявлен Фонд кремлевской политики. И вот по разворачиванию этой цепи мы видим, как переформируется, вероятно, почти бессознательно, собственный образ власти. Это действительно всенародный национальный Фонд, который отпускает средства на выживание граждан некой известной всем страны. Высшие чиновники как сотрудники Фонда (включая, разумеется, президента). По принятию решений можно судить об эффективности политики этого Фонда (власти) <...> Фонд виртуализирует свою политику, поскольку его главная задача состоит в том, чтобы граждане не умерли с голоду, от болезней и не погибли бы в техногенных катастрофах. Иронизировать над этой стороной деятельности Фонда было бы неверно<...> О чем же говорит подобная фондация власти, да о том, что власть становится все более народной властью и все более (через становящуюся харизму Путина как президента) приобретает черты “гражданственности”, подменяя собой развитие гражданского общества как критика и контролера власти»²¹.

Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил.

идеалов я дальше, поняв реальность, могу обдумывать свои действия, направленные на изменения сложившейся ситуации. Но опять же анализирую их последствия.

²¹ <http://index.gdf.ru/zournal/cont16.xml>.

Существенную роль здесь играют эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты своего рода «разумного эгоизма», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе²², активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки отдельной личности, наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее)²³. В результате и устанавливается то, что я выше назвал «ведущим типом социальности»²⁴.

При этом, вероятно, понятно, что поскольку на разных «социальных плацдармах» действуют и конфликтуют различные социальные субъекты, установленные балансы и противодействия разных сил отражают эти уникальные ситуации и конфигурации. Другими словами, ведущий тип социальности демонстрирует множество разных уникальных конфигураций и структур. В наш динамичный век подключение к социальному взаимодействию новых субъектов или изменение социальных условий приводит к тому, что данные конфигурации и структуры неустойчивы и живут относительно ограниченное время. Это начинают понимать даже защитники либерализма.

«Быть и стать самим собой, – пишет С.Бенхабиб, – значит включить себя в сети обсуждения<...> Мультикультурализм слишком часто увязает в бесплодных попытках выделить один нарратив как наиболее существенный<...> Мультикультуралист сопротивляется восприятию культур как внутренне расщепленных и оспариваемых. Это переносится и на видение им личностей, которые рассматриваются затем как в равной мере унифицированные и гармоничные существа с особым культурным центром. Я же, напротив, считаю индивидуальность

уникальным и хрупким достижением личности, полученным в результате сплетения воедино конфликтующих между собой нарративов и привязанностей в уникальной истории жизни<...> Трактовка культур как герметически запечатанных, подчиненных собственной внутренней логике данностей несостоятельна<...> Культурные оценки могут переходить от поколения к поколению только в результате творческого и живого участия и вновь обретаемой ими значимости»²⁵.

Стоит отметить еще один важный аспект нового ведущего типа социальности, который, несомненно, нужно учитывать при обсуждении современного управления. Мы не случайно взяли для анализа ситуацию, которую обсуждает Латынина. В современной цивилизации многие миллионы неработающих (безработных, беженцев, больных, просто не желающих трудиться) и не меньше работающих не полный рабочий день или только эпизодически – не простое недоразумение, не досадная недоработка хорошо выстроенного здания капитализма или социализма, а постоянно действующая закономерность, значение которой, судя по всему, будет возрастать. Общество готово идти на компромисс, обеспечивая терпимую, а иногда и вполне удовлетворительную по современным меркам жизнь всех этих миллионов (а в перспективе, может быть, одного или двух миллиардов) в обмен на социальный мир.

Подобная ситуация стала возможной и даже необходимой в силу эффективности современных технологий и производства; в будущем развитие робототехники сделает эту проблему еще более острой. В относительно близкой перспективе для производства товаров и питания нужно будет все меньше специалистов, их с успехом заменят машины, автоматические линии и роботы.

Изменяются и взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций. Яркие примеры, благотворительность, некоммерческие общественные организации (НКО), волонтерское движение, фандрайзинг²⁶

²² Например, в настоящее время в России общество просыпается и начинает активно обсуждать сложившуюся социальность. И не только обсуждать, но и действовать.

²³ «Глобальную цивилизацию, в которой примут участие граждане мира, – пишет Сейла Бенхабиб, – нужно будет возвращать из местных привязанностей; из содержательных культурных споров; из переосмысления “нашей” идентичности; из привычки к демократическому экспериментированию с устройством и переустройством институтов» (Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 220).

²⁴ Этот тип социальности в настоящее время только складывается. Пока еще бал заказывают старые типы социальности, но они уже не правят единолично.

²⁵ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. С. 17, 19, 43, 122.

²⁶ Фандрайзинг, иногда фандрейзинг (от англ. Fundraising) – процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов (человеческих, материальных, информационных и т.д.), которые организация не может обеспечить самостоятельно и

(назовем подобные сообщества «иницирующими»). Во всех этих случаях функции, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя отдельные личности или сообщества, действующие исходя из собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований.

Опять же это стало возможным не только потому, что у людей появилось много свободного времени и приходят свободные средства, но и потому, что государство неудовлетворительно выполняет свои функции, а граждане видят свое назначение в работе на благо общества, в помощи тем, кто нуждается. Понятно, что неработающие или работающие частично будут пополнять ряды перечисленных выше иницирующих сообществ.

Что означает ориентация управления на ведущий тип социальности, особенно, если речь идет о социальном управлении или управлении в рамках общественных институтов и организаций? На эти вопросы в том числе и должна ответить философия управления. Но понятно, что не одна она, но и другие социогуманитарные дисциплины, а в практическом отношении общество и сообщества и мы с вами лично. Если управление пронизывает все слои и пространство социума, имея дело как с рациональной организацией деятельности, так и со взаимоотношениями между людьми, то практически каждый конкретный человек причастен к управлению (хотя бы в своей семье или на работе), и следовательно, вынужден вырабатывать отношение к этому феномену. Вот здесь ему на помощь и должна прийти философия управления.

Библиография

1. Бессонова Л.А. Философские аспекты теории и практики менеджмента (http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2005/issue3/Philos_Manag1.html).
2. Тихонов А.В. Социология управления. М., 2007.
3. Сколимовски Х. «Новая социальная философия как оценка техники» (Цит. по Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М., 2002).
4. Делягин М.Г. Финансовый кризис как первый этап кризиса глобализации: фундаментальные изменения человечества? // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе. Сб. научных ст. М., 2009.
5. Прохоров А.П. Русская модель управления. М., 2002.
6. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. Москва-Санкт-Петербург- Киев, 2002.
7. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М., 1985.
8. Салмон Р. Будущее менеджмента. СПб, 2004.
9. Маркс К. Капитал. Т.1. М., 1978.
10. Мирзоев С.Б. «Институциональная коррупция» февраль 2011. <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>
11. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.

которые являются необходимыми для реализации определенного проекта или своей деятельности в целом.

References (transliteration)

1. Bessonova L.A. Filosofskie aspekty teorii i praktiki menedzhmenta (http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2005/issue3/Philos_Manag1.html).
2. Tikhonov A.V. Sotsiologiya upravleniya. M., 2007.
3. Skolimovski Kh. «Novaya sotsial'naya filosofiya kak otsenka tekhniki» (Tsit. po Efremenko D.V. Vvedenie v otsenku tekhniki. M., 2002).
4. Delyagin M.G. Finansovyy krizis kak pervyy etap krizisa globalizatsii: fundamental'nye izmeneniya chelovechestva? // Transformatsii kul'tury v global'nom informatsionnom obshchestve. Sb. nauchnykh st. M., 2009.
5. Prokhorov A.P. Russkaya model' upravleniya. M., 2002.
6. Druker P. F. Zadachi menedzhmenta v XXI veke. Moskva-Sankt-Peterburg- Kiev, 2002.
7. Akoff R. Planirovanie budushchego korporatsii. M., 1985.
8. Salmon R. Budushchee menedzhmenta. SPb, 2004.
9. Marks K. Kapital. T.1. M., 1978.
10. Mirzoev S.B. «Institutsional'naya korruptsiya» fevral' 2011. <http://www.fondgp.ru/lib/seminars/2010-2011/institut/6>
11. Benkhabib S. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuyu eru. M., 2003.